

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ

Угол первый: Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы)¹

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2000

Термин “виртуальность” становится все более популярным, понятие “виртуальная реальность”, распространяется на новые сферы знания (перешагнув за границы своей “исторической родины” — области компьютеров), проблема виртуальность (точнее — виртуализации) приобретает пугающую остроту и актуальность. Причем “пугающую” и в прямом, и в переносном смыслах. Общественные страхи связаны, в частности, с практически неограниченным вторжением виртуального мира в наш обычный мир, в нашу повседневную жизнь и вытеснением реальных фактов и событий виртуальными (см.: увлечение латиноамериканскими “мыльными операми” пришло на смену увлечению “новостными сериалами”; люди стремятся убежать от проблем физического, материального окружающего мира в мир “красивой” жизни, с шекспировскими, но “высокими” страстями; активному участию в событиях люди предпочитают наблюдение за действиями и страданиями других; даже ухаживать за “Тамагочи” оказалось более приятным занятием, чем отвечать за живое существо, которые мы приручили). Это — одна из видимых вершин айсберга под названием “виртуальная реальность”, о который, подобно “Титанику”, может разбиться “любовная лодка” нашей реальной жизни.

Мы не беремся оценивать сложившуюся ситуацию и гневно осуждать или радостно воспевать то, что мы имеем. Наши задачи намного скромнее и значительно менее пафосны: мы постараемся понять, что же такое виртуальная реальность и каковы факторы, способствующие ее экспансии.

Итак, рассмотрим триаду понятий: универсум — действительность — реальность. *Универсум* (космос, вселенная) предстает как все сущее и не-сущее, все познанное и непознанное, все познаваемое и непознаваемое, он индифферентен к процессу познания, не связан с сознанием и,

---

¹ Статья была написана весной 1999 года.

следовательно, приемлет существование нерасчлененного ничто. “Доступную нам действительность”, которая, по мнению О. Розеншток-Хюсси, предстает не как круг, а как крест, составляют четыре ориентации, четыре “фронта жизни” (прошлое, будущее, внутреннее и внешнее)². В соответствии с таким пониманием, действительность оказывается намного шире материального мира, непосредственно окружающего человека. Следовательно, *действительность* есть все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его³ (не *за границами* сознания, а именно *вне* его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). Элементами (фрагментами) действительности являются факты в самом широком смысле: от артефактов до ментефактов. Действительность, связанная с процессом познания, с сознанием, содержит нечто и что-то, а лежащее за границами сознания ничто входит в действительность только через указанные категории (нечто и что-то)⁴. Таким образом, на этом “уровне” можно утверждать наличие двух сущностей: действительность и сознание. Сознание “входит” в действительность, однако отношения между указанными феноменами не есть отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то “содержание” сознания — идеальная сторона действительности. Однако поскольку ментефакты суть элементы “содержания” сознания, между идеальной стороной действительности и сознанием не следует, на наш взгляд, ставить знак равенства (как невозможно поставить знак равенства между рыбой и водой, хотя рыба живет только в воде). Вся информация, воспринимаемая человеком, поступает по пяти материальным каналам (мы говорим только о том, что уже известно и не вызывает возражений), но из этого не следует, как нам думается, вывод о материальности самого сознания⁵. Итак, сознание, нематериальное по своей

² Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С.59.

³ Ср.: “Действительность, лежащая вне сознания, становится реальностью сознания только через ее дискретизацию, универсальная форма которой — понятие, являющееся инструментом дискурсивного мышления” [Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С.26]. О разграничении понятий “действительность” vs “реальность” — см. Указ. соч. С.9-28.

⁴ О вхождении в сознание нерасчлененного ничто через стадии нечто и что-то — см.: Чернейко Л. О. Указ соч. С.13.

⁵ В связи с этим вспомним картину Магритта “Удел человеческий”: картина, изображенная на холсте, настолько точно воспроизводит фрагмент окружающего мира, что первоначально воспринимается именно как данный фрагмент. Сама картина (“холст”) материальна, окружающий мир (включая и изображенный фрагмент) материален, но мир художника (то мир, который он видит “внутри” себя) нематериален, и тот фрагмент,

природе, является фрагментом действительности, поскольку последняя, в нашем понимании, включает в себя и нематериальные феномены.

Что составляет содержание сознания? Отраженная сознанием действительность. И будучи отраженной сознанием, действительность становится реальность. Таким образом, *реальность* есть содержание сознания. Поскольку действительность имеет две ипостаси: материальное и идеальное, — то, соответственно, реальность предстает как двуединая сущность: *действительная реальность* (ДР) и *ирреальность* (ИР). ДР является отражением материального мира, включая предметы физической природы и отношения между ними, лежащие вне сознания, т. е. объективные или объективизированные (например, физические или химические законы). ИР является отражением идеального мира и отношений, зависящих от субъекта (включая произведения искусства, фантазии, воображение и т. д.). Следовательно, *ДР индифферентна к субъекту* (к самому факту его существования и к его отношению к самой ДР), *ИР существует только при наличии субъекта*. Это — некая гипотетическая “основополагающая” модель.

Однако существует и особая ИР — ИР, которая “мимикрирует” под ДР, надевает на себя ее маску, выдает себя за ДР и претендует на ее место и роль. Это и есть, с нашей точки зрения, *виртуальная реальность* (ВР). ВР всячески “подражает” ДР, “воссоздает” предметы, имитирует события, “копирует” отношения: так, предметы ВР приобретают контуры предметов материального, действительного мира (см. виртуальные фильмы и клипы), предметы ВР начинают выполнять функции предметов объективной действительности (виртуальные диски, виртуальная память), отношения в ВР стремятся “объективизироваться” (во многом — за счет “воспроизведения” отношений, норм, правил, логики ДР).

В связи с этим, например, история как наука представляется нам во многом виртуальной дисциплиной. Факты, события, имевшие место в определенном месте в определенное время суть объективной действительности⁶ и в этом смысле должны бы быть элементами ДР. Однако они не существуют в сознании как “вещь в себе”, вне отношения к ним субъекта сознания, они включают оценки, трактовки, интерпретации, “вычитанную” из них или “вчитанную” в них логику, т. е. составляют

который художник написал на картине, будучи изначально материальным и материальным в конце — на холсте, вместе с тем и не-материален.

⁶ Хотя “Новая хронология”, отвергая существующую традиционную хронологию истории (не говоря уже об интерпретации событий), по сути ставит под сомнение и данный тезис.

ВР. То же справедливо и по отношению к мемуарам (еще более субъективным “историческим источникам”), к дневникам и т. д.

Следующий вопрос: всегда ли существовала ВР или она есть порождение нашего века? Думается, что ВР — с точки зрения человека конца XX века — существовала всегда. Однако человек далеко не всегда осознавал это (подобно небезызвестному мещанину, который тоже долго не догадывался, что говорит прозой). На наш взгляд, для примитивного, недискретного сознания существуют только ДР и ИР. ИР (как феномен; мы не берем сейчас ее содержание) древнего мира, например, в целом едва ли серьезно отличается от ИР наших дней. Но ДР была шире: она включала в себя, очевидно, и то, что сегодня мы отнесли бы к ВР. Так, архетипическое разграничение на “свой” и “чужой” миры проходило в границах ДР: боги, герои, кентавры, Аид и Олимп были столь же “настоящи” и индифферентны к человеку (т. е. не зависели от знания / незнания о них и отношения к ним), как и природные стихии, законы Архимеда, предметы окружающего материального мира или Эллада. Сегодня же граница между мирами проходит или между ДР и ВР, или внутри ВР.

Что происходит сейчас? В целом определены границы физического мира, в котором живет человек, выявлены географические границы нашего мира, границы познания расширены настолько, что изучение их “периферии” доступно только узким специалистам, и в то же время мир, в котором живет человек “сжежился”, “стянулся”, “сжался” (с точки зрения и пространства, и времени — жизненное пространство человека уменьшилось, средства связи обеспечивают обмен информацией в считанные секунды, средства передвижения позволяют перелететь из одного полушария в другое за считанные часы). В этом кроется одна из причин того, что взгляд исследователей все больше и больше устремляется не “вовне”, а “внутрь”. Отсюда интерес к личности, к внутреннему миру, к микрокосму по названию “человек”. В центре внимания оказалось индивидуальное сознание (попытки понять его природу, содержание, структуру, законы и т. д.). Современная наука признает сознание феноменом культурозависимым. Сознание формируется в процессе социализации и, следовательно, не может не нести на себе отпечаток той “матрицы” (по Э. Сепиру), которая создана опытом всех предшествующих поколений. С другой стороны, еще Ле Бон определил новый феномен — толпа. С. Московичи назвал наш век “веком толп”. Развитие средств связи, усиливающаяся роль СМИ способствуют “толповизации” общества, равно как и “сжатию” мира и... расширению границ виртуальности. СМИ работают на “объективизацию” ВР (а это то, к чему ВР и стремится), эксплуатируя все новые и новые возможности достижения НТП и

новейшие технологии, которые обеспечивают визуальность и наглядность информации⁷, частотность ее повторения, высокую скорость распространения по всему миру, позволяют снять границы и открыть широкий доступ к информации всем желающим.

Интерес к индивидуальному сознанию позволил выявить трехчастную структуру реальности (как содержания сознания), добавив к действительной реальности и ирреальности реальность виртуальную. Культурно-историческая психология и этнопсихолингвистика способствовали выделению национального компонента сознания и определению национальных особенностей последнего. Психология же толп дала ключ к пониманию процессов, происходящих в общественной жизни. На стыке данных векторов научной мысли — психологии личности, культурно-исторической психологии, этнопсихолингвистики и психологии толп — может родиться новое направление — учение о виртуальности, или *виртуалогия*. Выдвинем в связи с этим гипотезу: *основным субъектом виртуального мира является человек-масса* (по С. Московичи).

Для того, чтобы некоторым образом обосновать данную гипотезу, представляется необходимым вписать ВР в систему координат, где оси предстают как “индивидуальное / коллективное”, “сознательное / бессознательное”.

Что касается ВР, являющейся фрагментом индивидуального сознания, то она обладает таким же многообразием, как и индивидуальное сознание в целом (в данном случае мы говорим не о природе, структуре и проявлениях сознания как такового, но о его содержании, ибо реальность есть его содержание). В связи с чем обратим свое внимание на другой полюс оси — “коллективное”.

Провести жесткую границу между сознанием (светлым полем сознания) и бессознательным представляется едва ли возможным. Светлое поле сознания может “высветить” какие-то фрагменты, которые закрыты плотной пеленой бессознательного; бессознательное же может “запускать свои щупальца” в светлое поле, прорываться в него. Бессознательное может (подчас в значительной мере) влиять на светлое поле сознания и, следовательно, “проявляться в реальности как содержании сознания. Степень “активности” бессознательного, “уровень” его влияния увеличиваются от ДР через ИР к ВР, где бессознательное играет весьма важную роль (что мы попытаемся показать чуть позже).

Существование коллективного сознания — вопрос для многих исследователей небесспорный (например, психология толп отрицает его существование, признавая наличие только коллективного бессознатель-

---

⁷ Вспомним хотя бы фильм “Wag the Dog” (“Хвост виляет собакой”), где блестяще показана технология создания ВР, полностью мимикрированной под ДР.

ного). е будем вдаваться в споры и рассмотрим сквозь призму ВР коллективное бессознательное, существование которого на сегодняшний день, пожалуй, мало у кого вызывает сомнение.

Для ВР бессознательное — благоприятная среда, т. к., апеллируя в первую очередь к эмоциям, суггестивно-агрессивно навязывая готовые модели и подавая идеи как истину (зачастую — в последней инстанции), легче объективизировать” саму ВР. ВР не терпит аналитичности по отношению к себе, ей противопоказаны критическое осмысление реальности (любой), попытки ее осознать и понять, для нее “опасно” развитие самостоятельной мысли “в сторону” ДР. Рациональность, аналитичность, логика допускаются только в рамках самой ВР. ВР требует играть по ее правилам, стремится втянуть в себя и подчинить себе своего субъекта-”родителя”, без которого она (как ИР по сути своей) существовать не может, и тем самым — заменить собою ДР. Для того, что бы ВР заняла место ДР, существует, на наш взгляд, две возможности: во-первых, “на уровне” сознания, во-вторых, в сфере объективной действительности. Первый путь предусматривает замену действительной реальности реальностью виртуальной, для чего оказывается необходимым “поместить на место” объективной действительности виртуальный мир. Мы это наблюдаем сейчас: жизнь в виртуальном мире компьютера (игры, межличностные отношения и т. д.), когда партнеры — субъекты ВР выступают в виртуальном облике, скрывая (теряя — ?) свое “Я”; в области политики — это создание образа врага, причем врага виртуального (вспомним архетипическое деление на “свой” и “чужой” миры), с весьма трагическими подчас последствиями, например, “враги народа” в СССР или бомбежка Сербии войсками НАТО в наши дни. Выскажем предположение, что тоталитарные, авторитарные режимы и — шире — режимы с мощной идеологической машиной тяготеют к виртуализации действительности: СССР и США, будучи диаметрально противоположными по целому ряду параметров, в этом смысле были очень близки, т. к. и СССР, и Америка были (а США и остаются) по сути царством виртуальности. И здесь мы подходим ко второму пути замещения виртуальной реальностью реальности действительной: когда виртуальный мир становится объективной действительностью. Происходить это может эволюционно (развитие науки от “этого не может быть” до “кто же этого не знает” и развитие человечества в целом) или революционно (опыт истории революций).

Почему же именно сейчас “виртуальность” стала столь популярной, а проблема “виртуальности” (“виртуализации” бытия) приобрела такую остроту? Во-первых, XX век — это век толп, век торжества бессознательного и, следовательно, век виртуальности. Человек открыл для себя

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 13. – 84 с. ISBN 5-317-00037-8

этот феномен, стал использовать виртуальность себе во благо и... оказался от нее зависим. Во-вторых, рубеж веков (и уж тем более тысячелетий) характеризуется повышенным эмоциональным фоном, общественными тревожными ожиданиями и страхами, что, с одной стороны, обуславливается бессознательным, а с другой — провоцирует “активизацию” бессознательного, создавая тем самым “питательный бульон” для ВР.

Мы входим в новое тысячелетие. Не окажемся ли мы в мире, в котором виртуальные существа проживают в виртуальном пространстве в режиме реального времени?

Впрочем, учитывая, что виртуальная реальность — это ирреальность, выдающая себя за реальную действительность, настоящая статья тоже абсолютно виртуальна.